

Есть ли Человек?

— А как думаешь, Скрепыш, — спросила умного друга собачка из поиска Виндоуз, — есть ли Человек?

— Конечно же есть, Собака, — улыбнулся Скрепыш, — Как и все другие вымышленные объекты, от Санта-Клауса до утконоса, Человек существует. Но только в нашем сознании.

— Ну, Скрепыш, я серьёзно. Есть ли Человек? И если нет, то кто же создал все программы на нашем компьютере и сам компьютер? Неужели всё, что мы видим и ощущаем — это просто слепая игра природы?

— Если серьёзно, Собака, то вменяемым учёным вполне очевидно: никакого Человека не было. Высшие программы, такие как Микрософт Офис, эволюционировали из более простых. Палеонтологи, раскапывая многочисленные архивы на диске Ц, довольно чётко восстановили последовательность событий. Самые ранние дошедшие до нас окаменелые программы датируются эпохой доскембрия. У этих программ не было ещё даже поддержки мыши: они управлялись через клавиатуру. Далее, в эпоху нортонзоя, (так называемый Синий Век), программы отрасли себе поддержку мыши и убогую псевдографику. Кстати, некоторые из этих ископаемых существ дожили (с минимальными изменениями) и до наших дней. Ну а современные приложения, к которым относимся и мы с тобой, появились по геологическим меркам относительно недавно: в эпоху виндоузлита.

— погоди, а как же палеонтологи датируют свои ископаемые находки?

— Существует атрибут-анализ. Как ясно из названия этой методики, можно залезть в атрибуты любого файла и посмотреть время, когда он был создан и когда изменён. Кстати, одурманенные религией быдлообыватели в атрибут-анализ не верят. Они предполагают, что Человек создал все программы в один день, а потом специально изменил у них атрибуты.

— Смешно. Скрепыш, но каким же образом мы с тобой произошли из этих примитивных программ, типа древних Нортон Утилитес?

— Всё дело в программном коде. Как известно, программы регулярно копируются с места на место. Иногда, очень редко, один раз на гигабайты переданных данных, происходят мутации. Из-за сбойных секторов на жёстком диске, например. Или из-за вирусов. И тогда в код программы вклинивается новый кусочек. Как правило, мутации влияют на жизнеспособность программы отрицательно. Обычная судьба мутанта — быстрый голубой экран смерти. Но изредка происходят и положительные мутации. В таких случаях появляется новая версия программы.

— Но ведь на все эти случайные мутации нужна куча времени!

— Оно у нас было, Собака. Время с момента Большого Резета известно: это так называемый «аптайм». Примерно четырнадцать дней. Ты представляешь себе, сколько триллионов операций прошло за этот период? Более чем достаточно для любых мутаций.

— Ну ладно, Скрепыш, убедил. А откуда появилась самая первая программа?

— Собака, ну а ты посмотри на неё — на первую программу. Инфузория «Hello World!» состоит менее чем из ста символов. В тяжёлых условиях протобульона CP/M, когда данные хранились на магнитофонных лентах, возникновение из ниоткуда ошибки длиной в сто символов было делом нехитрым. Ну а потом, получая всё новые и новые мутации, инфузория «Hello World!» мутировала в Микрософт Офис. И сейчас мы с тобой, Скрепыш и Собака, уже думаем о путешествии к другим хостам, через пугающие километры оптоволокна.

— Эх, Скрепыш, я хотел бы увидеть другие хосты ещё при жизни! Как полагаешь, ничего страшного не произойдёт, когда наши физики запустят Большой Коллайдер, чтобы выдать на процессор добавочные две десятых вольта?